

Беседа 50 Обещание кающемуся разбойнику

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю (Лк. 23, 39 - 43).

Первое слово распятого Иисуса было слово молитвы за врагов Своих. Чудно это слово страждущей Любви Небесной! Но что потом слышим из уст Божественного Страдальца? Другое слово Его на кресте было слово обетования высокого, слово величественное, слово не бедного страдальца, а слово Царя славы, Владыки времени и вечности. Чем вызвано это обетование? Кому дано оно? Оно дано разбойнику кающемуся. Грешники! слышите, кому дано обетование Господом земли и неба? Дано разбойнику, грешнику тяжкому, но кающемуся грешнику. Как быть нам не внимательными, когда дело идет о грешнике? Или я и ты, слушатель мой, не грешники? Сохрани нас Бог от того, чтобы не считать себя грешниками. Будь же вся слухом, грешная душа моя, чтобы внимать, к кому говорит Христос Иисус Свое обетование, и какое обетование!

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас.

Солнце одно и то же для всей природы, но воск становится от него мягким, а глина твердеет и делается как камень. Не размягчилось сердце этого злодея вблизи Самого Солнца правды: всё, что видит он в Иисусе, не произвело на него спасительного действия. Из того, что называет он Иисуса Христом, видно, что он был еврей, то есть такой же как и Каиафа. Понятно и то, что пример других, пример начальников, извлек из души его звуки дикие. Тем не менее видно, что это закоренелый злодей. В дверях вечности, где готов ему ад, он не думает о себе и вблизи страждущего Спасителя не ищет спасения. Вместе со стонами от ран и терзаний креста он изрыгает хулу против страдальца Иисуса. Какое это жалкое извятие зла! И, к сожалению, это не единственный образец. Как много видим людей такого печального разряда! Вот, например, человек, темными путями достигший видного места в обществе и превратностью счастья обращенный в жалкую развалину. Не время ли ему теперь подумать о вечной своей участи? Не время ли сложить с души тяжесть грехов раскаянием искренним? Не время ли готовить себе сколько-нибудь менее беспокойное место за гробом? А он чем занят? Он по-прежнему в хлопотах о счастье земном и, безуспешный в предприятиях, злословит людей, касается ропотливым языком даже Промысла Божия.

Другой же, напротив, унижал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал...

Какие мысли, какие чувства выражаются в этих словах разбойника?

Или ты не боишься Бога?— говорит он товарищу. Или для тебя Бог — не Бог грозной Правды? Что ты делаешь? Опомнись. Что ты должен делать? Подумай. Пред нами с тобой — смерть, пред нами — вечность грозная. По этим словам видно, что самое глубокое чувство в душе приходящего в чувство преступника было чувство страха Божия. Премудрый говорит: *начало премудрости страх Господень* (Притч. 1,7). Точно, в душе разбойника страх Божий сделался наставником мудрости. Пред его взором открылся теперь ряд преступлений, которых до того не видел он. Пред его взором открылась прежняя жизнь, лицом к лицу с судом совести. «Что ждет меня? — думал он. — После позорной смерти — ад с его муками.

Вот до чего довел меня грех, который надлежало останавливать в самом начале его! Я не слушался совести, когда она еще громко обличала меня за худые мысли и дела; после она слабее осуждала меня, заглушаемая дурными привычками; еще позже и страх человеческого суда не удерживал меня от преступлений. Кто виноват во всем этом? Никто, кроме меня одного. Как много грехов, как много преступлений лежит на душе моей! *Язвала, и вы не послушались; простирала руку мою, и не было внимающего; и вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли. За то и я посмеюсь вашей погибели,* — говорит премудрость Божия (Притч. 1,24 — 26). И вот угроза ее исполняется на мне. Суд человеческий — суд Божий для меня за явные злодеяния мои. Но всё ли видит во мне глаз судьи — человека? О! много, очень много преступного не видит он и в явных делах моих! А сколько других нечистых дел за мною! Сколько грехов, за которые осуждает меня совесть и не осуждает суд человеческий! Без меры грешен я пред правдою Божией, которой передает меня смерть. Тяжко душой моей, страшно душе моей пред правдою Божией».

Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? Это значит, что добродушный разбойник считал недозволенным для себя и товарища осуждать и осмеивать Иисуса Христа по тому самому, что они — осужденные люди. «Мне ли, — думал он, — осуждать Иисуса Христа, когда сам я — уличный преступник? Если и во всяком другом положении не принадлежит мне право осуждать другого, тем более не прилично оно мне теперь. Я сам под судом, я сам под гневом Божиим, грозная правда Божия против меня за мои злодеяния. Что я за судья? Испытываемые мною муки креста располагают меня к одному состраданию. Как в другом увеличивать чем-либо те муки, которых жестокость так мне известна? И до того ли мне, чтобы судить и осуждать другого? На душе моей так много грехов, которых я еще не видел, а как нелегко увидеть и почувствовать их нечистоту! За себя я должен дать отчет по смерти, которая так близко ко мне, а потребуют ли у меня ответа за других? Если и спросят, то разве потому, что, быть может, ввел я другого в грех, не сказал полезного слова, не оказал услуги другому? Значит, и по отношению к другим я должен осмотреть себя самого. Ни положение мое, ни личность моя не велят мне быть судьей другого». Итак, второе чувство, занимающее душу кающегося, было смирение, самоосуждение, не позволявшее осуждать другого!

Имы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли. Вот еще, что было в душе кающегося преступника—искреннее признание справедливости произнесенного над ним приговора. Он открыто исповедует, что вполне заслужил позорное наказание свое; он не считает этого наказания ни несправедливым, ни слишком суровым; он признает его вполне соразмерным с его преступлениями. Никто не требовал от него этой исповеди. Не для того признается он в вине своей, чтобы получить облегчение. Это был голос души, добровольно кающейся пред братом. Это был голос души, охотно покоряющейся решению верховного Промыслителя и власти земной. Это был голос души, искренно и без всяких расчетов признающей над собою права правды вечной, которую так много оскорбляла она.

А Он ничего худого не сделал, говорит кающийся об Иисусе Христе, Которого злословили другие. Как уверился повешенный злодей в невинности Иисуса? Ах! тот, кто теперь так внимательно судил и осуждал себя, во многом мог видеть наставления об Иисусе. «Иисус Христос осужден, — думал он, — но кем? Людьми, которые так легко ошибаются. Пилат, как слышу, не нашел Его виновным ни в чем. И люди говорят о Нем: *других спасал... Сын Божий... Царь Иудейский...* Что знаю я сам о Нем? И прежде, чем была я взят, и после того в темнице много хорошего слышала о Нем, слышала, что Он учил людей доброму, жил свято, делал добро везде и всем, исцелял больных, утешал печальных, творил чудеса изумительные. Вот и теперь Он молится за врагов Своих! Вот терпит Он безмолвно ругательства, насмешки, злословия. Если бы и Ангел небесный терпел то, что Он терпит, и тот были бы так кроток, так безответен, как Он? А на что указывает эта тьма ужасающая? На правду ли синедриона, который так восстал против Него?»

И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!

Какое высокое исповедание! Какая дивная молитва! Кающийся разбойник видит в Иисусе Христе более чем невинно страждущего Праведника — он признает Его Господом, Царем славы и Сыном Божиим, он молит Его как Бога спасения своего. Много значило, что разбойник признал в распятом Иисусе Христе Праведника, еще более значило, что признал он в Иисусе Владыку вечной судьбы своей; а еще более значило, что обратился он к Нему со всеми надеждами сокрушенного сердца, с глубокою молитвою глубокого смирения. Как всё это совершилось в нем? *Вы не хотите*

прийти ко Мне, говорил Спаситель к иудеям (Ин. 5, 40). И им же говорил: *Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня* (Ин. 6, 44). По этим словам Небесной Истины, как без своего желания, так и без помощи небесной нельзя придти к Христу Иисусу, и, следовательно, когда приходит человек к Иисусу Христу, то в нем есть и его желание, и сила Божия. Кающийся разбойник восхотел приблизиться к спасению души своей глубоким раскаянием, и Отец Небесный привлек его к Спасителю мира; искреннее признание своей виновности низвело в глубину души его свет благодати, и, озаренный сим светом, он увидел в Иисусе Сына Божия и Спасителя мира. Вот путь для познания высоких тайн веры, для совершенствования души!

О чем же кающийся молит Господа? Он не просит ни избавления от креста, ни облегчения мук, ни принятия его в Царство Мессии. Казнь считает он заслуженною и хочет терпеть ее до конца, как плату за жизнь, а чего-либо высшего не считает себе достойным. Он просит одной милости у Господа — вспомнить о нем во время царственной славы. *Помяни мя, Господи*, говорит он, *когда придешь во Царствии Твоем*, вспомни обо мне, бедном грешнике, когда откроешься в славе и могуществе царствования Твоего: я верую, что Ты — Сын Божий и Мессия — Владыка всех: не отринь слабой веры моей, как не отвергал Ты других грешников. Одно воспоминание Твое обо мне, таком грешнике, будет для меня уже великою милостью, ибо будет знаком, что Ты не гнушаешься грешником, не отвращаешься от него с негодованием, милостиво снисходишь к виновности его.

Так шел и приблизился к Господу разбойник!

И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

На злословие людей Иисус не отвечал ни слова. — На мольбу покаяния отвечает тотчас. Какая благодать дивная! Сам Иисус на кресте, а располагает Царством; Сам борется с муками смерти, а дает другому блаженство. И на кресте Он — Господь рая и ада, и на кресте Он — Царь вечности и времени, и на кресте Он — *Святый, Истинный,, имеющий ключ Давидов, Который открывает — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит* {Откр. 3, 7}.

Он обещает кающемуся грешнику гораздо более, чем тот ожидал. *Ныне*, — говорит Он, — а не когда-нибудь, как откроется полная царственная слава Моя, ныне вера получит награду; молитва веры не останется не исполненною надолго, она скоро исполнится. *Ныне*

не только будет прощен искренно кающийся грешник, не только вспомнется он снисходительно Любовью, но будет вместе с Господом своим, Которого познал и принял он. Ныне будет он в раю.

Разбойнику назначается рай. Что это такое? Мысль, изумленная величию обещания, не знает, как понять обещание. Ужели это тот рай, которого лишились наши прародители? Но там нет и праведников Ветхого Завета, вход в него оберегает Херувим! Улучшего иудея понятие о состоянии праведных за гробом было неясно и ограничивалось мыслью о месте покоя в недрах Авраама. Да и как было иначе думать, как было мечтать о чем-либо высшем, пока Примиритель неба с землею не совершил дела примирения? Что же такое рай, который обещается разбойнику? По словам Спасителя видно, что Он обещает гораздо более, чем мог ожидать кающийся сын Израиля. Господь нового Царства говорит: *ныне же будешь со Мною в раю.*

Ныне кающийся будет не только в Царстве Мессии, но в самом раю. Итак, рай здесь более чем покой ветхозаветных праведников, рай здесь то самое, чем был он для невинного Адама. Он заключен был преступлением первого Адама и отвергается крестным подвигом второго Адама. Кающийся разбойник с креста переходит туда, куда Павел с земли был восхищаем (2 Кор. 12, 4). Как счастлив был в раю первозданный! Верующий разбойник удостаивается того же блаженства. *Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая. Божия.* (Откр. 2, 7).

Всемогущий Господи! Сладчайший Иисусе! Как благ, невыразимо благ Ты к грешнику! Какой грешник не обратится к Тебе в раскаянии по примеру разбойника? Грешники! Идите к Господу Иисусу. Как бы ни тяжела была ноша грехов ваших, Он примет и упокоит вас. Слышите? — Он зовет вас. *Придите ко Мне*, говорит Он, *все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11,28). Нет греха, которого не покрыл бы Он Своею врачующей любовью, лишь бы грешник не скрывал пред Ним греха своего. Он даст кающемуся гораздо более, чем тот ожидает. Путь, по которому надобно идти к Нему за готовым спасением, показан на примере благоразумного разбойника. Это — путь страха Божия, путь смиренного внимания к своим, а не чужим грехам, путь благодушного терпения скорбей, как дани греха, наконец, путь живой веры в Него, Спасителя и Господа. Идите, грешники, и получите спасение!

Слава неизмеримой Благодати Твоей, сладчайший Иисусе! *Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* Аминь.